

*Господину герцогу Алансонскому и Брабантскому,
графу Фландрскому, сыну и брату наших королей*

Монсеньор,

памятуя о том, как часто Вы оказывали мне при дворе честь, удастая доверительными беседами, полными метких острот и занятных побасенок, всегда столь уместных в Ваших устах, словно ум Ваш, широкий, изощренный и скорый на выдумку, мгновенно рождает их к случаю, облакая затем в блестящую форму, я принялся за писание сих рассуждений, в меру моего умения и усердия, дабы хоть некоторые из них, придясь Вам по душе, позволили приятно провести время, напоминая о скромном придворном, коего отметили Вы своим вниманием.

Итак, Вам посвящаю я, Монсеньор, сию книгу, с нижайшей просьбою освятить ее Вашим именем и титулом в ожидании того, когда я завершу более серьезные труды. Я почти уже dokonчил один из них, посвященный жизнеописанию шести величайших принцев и воинов, коих знает ныне христианский мир, а именно: брата Вашего, короля Генриха III, Вашего Высочества, зятя Вашего, короля Наваррского, Монсеньора де Гиза, Монсеньора дю Мэна и Монсеньора принца Пармского; там перечисляю я ваши высокие достоинства, заслуги, подвиги и победы, и пусть судят

мой труд те, кто превосходит меня в писательском искусстве.

А пока что, Монсеньор, я молю Господа приумножить величие, процветание и благорасположение Вашего Высочества, коего я навечно являюсь покорнейшим, низжайшим и преданнейшим слугою и подданным по имени

Де Бурдей

Я посвятил сию вторую «Книгу о Женщинах» вышеозначенному мною сеньору Алансонскому еще при жизни его, памятуя о его любви и милостивом ко мне расположении, доверительных беседах и внимании, с коим выслушивал он мои забавные истории; ныне же, когда его священные благородные останки покоятся в королевской усыпальнице, я не намерен изменить свое посвящение и отнесу его, увы, к царственному праху и благословенной душе, чьи высокие достоинства, подвигнувшие его при жизни на славные дела, восхваляю вместе с добродетелями других великих принцев и военачальников, к числу коих он принадлежал, даром что почил в бозе столь молодым.

Засим довольно рассуждать о вещах серьезных, пора обратиться к веселым.

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

*О дамах, что занимаются любовью,
и об их рогатых мужьях*

Даром что именно женщины придумали супружескую измену и с тех пор украшают мужчин рогами, я положил непременно поместить сие рассуждение в книгу дам, хотя говорить намерен равно и о женщинах и о мужчинах. Отлично разумею, что подвиг себя на великий и тяжкий труд, коему не суждено узнать завершения, ибо всего запаса бумаги парижской Счетной палаты недостало бы и на половину историй о дамах и кавалерах. И однако, я запишу все, что знаю и смогу, а когда перо выпадет из моих ослабевших рук, уступлю его дьяволу либо какому-нибудь доброму приятелю, который и продолжит мои писания, снисходительно извинив неразбериху, в них царящую; да и откуда взяться порядку, ежели кавалеров и дам, любви приверженных, развелось столь великое множество, а дела их столь многообразны и запутанны, что, по моему разумению, даже самому бывалому военачальнику не разобраться в них и не выстроить должным образом по ранжиру.

Итак, следуя единственно моей фантазии и прихоти, стану писать как бог на душу положит, начавши тотчас, безотлагательно, в месяце апреле, самом щедром и благоположенном для размножения рогачей, и именно их, ибо для всякой другой живности хороши и все остальные месяцы и времена года.

Следует сказать, что среди рогачей встречается великое множество всяческих видов, однако худшие из них, коих дамы боятся пуще всего на свете, и не без причины, — это те безумные, опасные, злобные, хитрые, жестокие, безжалостные и мрачные мужья, которые бьют, мучают и убивают жен — одни за дело, другие за безделицу, — ибо малейшее подозрение ввергает их в бешеную ярость; с такими лучше вовсе не ссориться ни женам их, ни жениным кавалерам. Однако же знавал я некоторых дам и воздыхателей, коих мужнино бешенство нимало не заботило, поскольку сами они были под стать, — особливо дамы, отличавшиеся такою дерзостью, что коли не хватало ее кавалеру, он вверялся своей защитнице, рассуждая при этом так: она, мол, ввергла его в это дело, опасное и двусмысленное, кому же, как не ей, выказывать теперь храбрость и великодушие. Но знавал я и других дам, не наделенных от природы ни отважным сердцем, ни благородным нравом, а лишь знай себе услаждавшихся низкою похотью; недаром же говорят: «Низкая душа — шлюхе хороша!»

Знавал я одну благородную даму из знатного рода, которая пользовалась всяким удобным случаем, дабы насладиться любовью со своим милым другом; как-то он поопасался, что муж, находившийся невдалеке, застанет их врасплох; тотчас она с презрением бросила трусливого любовника, ибо знайте: коли влюбленной женщине приходит желание и пылкая нужда возлечь с другом, а тот, боясь всяческих препятствий, не сможет либо не захочет ее убоготворить, кончено дело — она возненавидит его хуже злейшего врага.

Надобно восхвалить эту даму за ее бесстрашие, да и других, ей подобных, также, ибо они ни перед чем

не останутся, лишь бы усладиться любовью, хотя притом подвергаются величайшим опасностям, куда большим, нежели какой-нибудь солдат в бою или матрос в бурном море.

Одна испанская дама, будучи приведена воздыхателем своим в королевский дворец, проходила с ним вместе мимо затененной укромной ниши; кавалер, преисполненный почтения ко всем известной испанской добродетели, промолвил: «*Senora, buen lugar, si no fuera vuessa merced*» (Вот удобный уголок, коли на вашем месте была бы другая). На что дама, ничтоже сумняшеся, отвечала: «*Si, buen lugar, si no fuera vuessa merced*» (Да, уголок удобный, коли на вашем месте был бы другой). Тем самым укорила она кавалера в робости, помешавшей ему взять у дамы в столь подходящем месте то, что он хотел, а она горячо желала отдать ему; другой, более дерзкий, не упустил бы столь благоприятного случая; вот отчего вся любовь у дамы прошла и она решительно отвергла незадачливого своего друга.

Мне довелось услышать историю об одной даме, весьма пригожей и досточтимой, которая дала согласие своему другу разделить с ним ложе, но только при условии, что он ее пальцем не коснется и не принудит к объятиям, каковое желание тот и исполнил, промаявшись всю ночь напролет жестоким соблазном; дама осталась столь довольна сей покорностью, что в скором времени одарила его любовным наслаждением, сказавши, что хотела прежде испытать, крепка ли его любовь и будет ли он послушен ее приказам. И за это возлюбила она своего друга еще горячее прежнего и дала ему полную свободу делать с нею все, что пожелается, ибо он доказал ей свою истинную и преданную любовь, а что может быть вернее и благороднее?!

Одни похвалят эдакую покорность или робость (называйте как хотите), другие нет: сие зависит от нрава и расположения духа той или иной стороны.

Знавал я одну весьма высокородную даму, что согласилась провести ночь со своим другом, который, для ускорения дела, явился к ней в одной рубашке, дабы немедля приступить к главному; стояла, однако, холодная зима, и любовник наш до того продрог, что, ложась в постель, мечтал лишь об одном — как бы согреться, и ни на что путное оказался не годен; дама лютю возненавидела его и прогнала от себя прочь.

Другая дама сговаривалась с неким дворянином о любовном свидании, и тот в разговоре похвастался ей, что за ночь одолеет не менее шести перегонов — настолько, мол, его взбудрила ее красота. «Уж не хвастаете ли вы понапрасну? — смеялась дама. — Поглядим-ка, сколько вы наработаете за одну ночь!» Кавалера насмешки не смутили, и он не преминул явиться на свидание, однако же, к его несчастью, в постели напали на него такие судороги и робость, что он и одного перегона не осилил; дама, видя такое бедствие, сказала: «А не заняться ли вам чем-нибудь иным? Освободите-ка мою постель, здесь вам не гостиница, ишь развалился да полеживает, для того ли вас сюда звали? Убирайтесь прочь!» И выгнала кавалера из дому, а потом долго еще насмеялась над ним, ненавидя хуже чумного.

Конечно, дворянин этот был бы куда счастливее, походи он здоровьем и сложением на протонотария Баро, главного архивариуса и капеллана короля Франциска; этот самый Баро, ложась с какою-нибудь из придворных дам, одолевал не менее дюжины перегонов, да еще поутру извинялся пред нею за слабость, говоря так: «Простите великодушно мою немощь, мадам, лучше не могу, ибо принял вчера лекарство».

С тех пор я частенько с ним виделся; его прозвали капитаном Баро или Гасконцем; он сложил с себя духовное звание; историю же эту сам рассказывал мне, приводя имена всех своих любовниц.

По достижении пожилого возраста мужская сила стала ему изменять; он обеднел, хотя во время оное заработал немало благ с помощью своего тарана, теперь же спустил все свое имущество и принужден был заняться перегонкою спиртов и эссенций, сетуя притом на злосчастную судьбу: «Ах, кабы я мог, словно в юные года, столь же удачно перегонять сперматическую эссенцию, дела бы мои пошли на лад и я бы благоденствовал, как прежде!»

Во времена Лиги один благородный, храбрый и отважный дворянин покинул родные места, где командовал крепостью, и отправился принять участие в сражении; на обратном пути он никак не успевал засветло в свой гарнизон, и пришлось ему заехать к знакомой даме, весьма пригожей, богатой и знатной вдове; хозяйка пригласила его заночевать у нее в доме, отчего он, будучи сильно утомлен, не отказался. Попотчевав гостя вкусным ужином, дама проводила его в свою спальню и предложила собственную кровать, поскольку, боясь превратностей войны, велела вынести из всех других комнат и припрятать в укромном месте красивую и весьма недешевую свою мебель. Сама же хозяйка удалилась к себе в туалетную, где стояла у ней узенькая кушетка для дневного отдыха.

Дворянин никак не соглашался лишить даму ее спальни и постели, однако же в конце концов принужден был подчиниться уговорам хозяйки; улегшись, он тотчас забылся глубоким сном и не слышал, как дама вошла в спальню и преспокойно улеглась к нему под бок; так и проспал он всю ночь до самой зари, а там, продрвав глаза, узрел подле себя даму, которая,

поднявшись с ложа, обратилась к нему со следующими словами: «Как видите, вы нынче почивали не в одиночестве, ибо, уступив вам свою постель, я все же оставила за собою половину ее. Прощайте, сударь, вы упустили прекрасный случай, который более вам не представится!»

Дворянин, проклиная свою незадачливость (а от такого невезения и впрямь хоть повесься!), попытался было удержать и улестить даму, но куда там! — разгневавшись на то, что он не убоготворил ее, как ей хотелось (а хотелось ей не одной схватки, недаром же говорится: «первая схватка — ни кисло, ни сладко!») и тогда, когда хотелось, а именно ночью, она так и не простила его; я знавал дам, которые поступили бы точно так же, но знаком и с другими, например с одной весьма пригожей и добропорядочной дамою, которая, позволив своему сердечному дружку возлечь с нею, выдержала три смелых его наскока; однако же, когда он вздумал продолжать, дабы закрепить начатое, решительно повелела ему встать с постели и оставить ее в покое. Он же, нимало не утомясь от троекратных объятий, опять предложил ей продлить любовную схватку, обещая невиданные подвиги в продолжение всей ночи до самого утра и клянясь, что от столь пустячного зачина сил у него ничуть не убавилось. Но дама на это возразила: «Будьте довольны тем, что уже показали мне свою прыть, и впрямь недюжинную; обещаю вам получше использовать ее в другое время и в другом месте; нынче же увлекаться не след: не дай бог, муж мой узнает об этом, тогда я пропала. Итак, распрощаемся до более подходящего и надежного случая, когда я смогу без боязни встретиться с вами не в мелкой стычке, но в открытом бою».

Многие дамы не стали бы рассуждать подобным образом, а, опьяненные наслаждением, задержали бы

неприятеля в своем стане, коли уж он попался в плен, понудив сражаться с ними до самого рассвета.

Та досточтимая дама, которую описывал я ранее, отличалась столь пылким и необузданным нравом, что, когда ее охватывал любовный пыл, забывала про страх и боязнь пред мужем, хотя тот был скор на расправу и в гневе страшен; невзирая на это, ни она, ни любовник ее ни разу не попали впросак, ибо всегда заботились о надежной охране, каковою дамы пренебрегать отнюдь не должны, коли не хотят беды; так оно случилось недавно с одним храбрым и благородным дворянином, погибшим от руки мужа своей любовницы, когда он пришел к ней в дом, где ждала его засада: муж силой принудил жену вызвать храбреца на это свидание; заботясь тот больше о себе самом, он поостерегся бы и не пал жертвою предательского удара, найдя столь прискорбную смерть. Вот пример того, как опасно доверяться влюбленным женщинам, которые под угрозой мужниной расправы готовы по их приказу сыграть любую игру, как вышеописанная дама, что спасла свою жизнь, друга же погубила.

Бывают мужья, которые убивают вместе и жену и любовника ее; так, слышал я историю об одной весьма знатной красавице, чей муж оказался настолько ревнив, что из одной только этой ревности, без всяких доказательств, отправил жену свою на тот свет, подсыпав ей яду, а перед тем убил и друга ее, благородного человека, глумливо заявивши, что жертвоприношение выйдет прекраснее и занятнее, коли сперва убить быка, а за ним корову.

Сей принц обошелся более жестоко со своей супругою, нежели впоследствии с одною из своих дочерей, которую выдал замуж за знатного вельможу — правда, ниже себя родом, ибо сам он принадлежал к королевской семье.

Эта безрассудная женщина забеременела не от мужа, где-то в ту пору воевавшего, а от любовника; решившись от бремени красивым мальчиком, она в отчаянии обратилась за помощью не к кому-нибудь, а к отцу, послав к нему одного надежного дворянина, изложившего принцу все дело. Отец тут же запретил, под страхом смерти, дочкиному мужу посягать на жизнь жены, иначе пусть, мол, пеняет на себя — несчастнее его не будет во всем христианском мире, уж он-то об этом позаботится. Дочери же принц прислал галеру с эскортом для охраны младенца и кормилицы, которым предоставил большой удобный дом и назначил щедрое содержание, приказав растить и воспитывать ребенка самым наилучшим образом. Но, увы, по смерти принца зять его все-таки уморил свою жену.

Слыхивал я и о другом таком муже, который повелел убить любовника прямо на глазах жены, желая свергнуть ее в такую печаль, чтобы она умерла с горя, видя гибель того, кого еще недавно горячо любила и сжимала в объятиях.

Один всем известный дворянин убил жену свою прямо при дворе после того, как целых пятнадцать лет предоставлял ей полную свободу, будучи притом хорошо осведомлен обо всех похождениях, в коих не раз открыто уличал и упрекал ее. Однако ж в одно прекрасное утро взыграл в нем дух (поговаривают, будто не обошлось без наущения высокого его повелителя), и он, явившись в спальню к жене, переспав с нею, посмеявшись и пошутив, внезапно нанес ей четыре или пять ударов кинжалом и приказал слуге своему прикончить несчастную женщину; затем велел уложить ее на носилки и на глазах у всех доставил в дом родителей для похорон. Сам же вернулся в ко-

ролевский дворец как ни в чем не бывало и даже весело похваляясь сим подвигом. Он был бы не прочь расправиться тем же манером и с жениными любовниками, но тут ему пришлось отступить: у супруги водилось их столько, что из этих мужчин составлялась целая маленькая армия, и ему жизни бы не хватило всех их перебить.

Слышал я, что один бравый и отважный военачальник, заподозрив в неверности свою жену, взятую из весьма добропорядочного дома, не мешкая явился к ней и задушил собственноручно ее же белым шарфом, вслед за чем устроил самые пышные похороны, где и показался с видом искренней скорби, облаченным в глубокий траур, который носил еще долгое время спустя; вот какая честь выпала бедняжке, удостоенной столь торжественной церемонии. И тем же манером поступил он с наперсницей своей жены, посягнувшей ей в любовных делишках. От супруги у него, однако ж, осталось потомство, а именно сын — нахрабрый и достойнейший юноша, что достиг, благодаря заслугам своим пред отчизною и преданности королю, высоких должностей и отличий.

Слыхивал я еще об одном вельможе — этот жил в Италии, — он также умертвил свою жену, но упустил любовника ее, и тот успел удрасть во Францию; говорили, правда, что он прикончил ее не столько за любовные прегрешения (ибо давно уже знал, чем она занимается, да она особо и не таилась), сколько желая избавиться, а после жениться на некоей даме, в которую был влюблен.

Вот отчего весьма опасно влезать в те ворота, у которых есть вооруженные защитники, хотя ворота эти при первом же наскоке радушно отворяются пред каждым пришлым; знавал я одни такие, где, сторожи не сто-

рожи, все одно впустят любого. Жил-был однажды дворянин отважный и бравый, но, на беду, вздумавший похваляться подвигами своими по женской части; малое время спустя его убили втихую какие-то неизвестные злодеи в засаде, дама же его осталась в живых и долго еще пребывала в страхе и трепете пред мужем, тем паче что забрюхатела от любовника и опасалась, как бы после родов (которые хотела бы оттянуть на целый век!) с нею не поступили тем же манером; но муж оказался снисходительным, выказал милосердие, хотя шпагою владел преотлично, и простил неверной супруге, не попрекнув злым словом, благо что напугал до смерти всех бывших дружок ее, за коих ответил один лишь этот, последний. Вот отчего дама, растроганная добротою и терпимостью мужа, никогда уже не давала ему повода к подозрениям и с тех пор вела себя как нельзя более добродетельно и примерно.

Совсем иная участь постигла недавно в Неаполитанском королевстве донну Марию д'Авалос, одну из прекраснейших принцесс страны, бывшую замужем за принцем Венуесским; она влюбилась в графа Андриано, одного из красивейших кавалеров Италии, и, по взаимному согласию, сошлась с ним; муж, обнаружив эту связь (я мог бы рассказать каким образом, но не хочу затягивать историю) и застав любовников в постели, приказал слугам своим умертвить их; на-завтра все увидели красавицу и ее прекрасного возлюбленного распростертыми на мостовой у дверей дома; оба были мертвы и уже остыли; собравшаяся толпа жалела и оплакивала злосчастных влюбленных.

Родители означенной убитой дамы горько скорбели о ней и так негодовали, что вознамерились отомстить за свершенное злодейство согласно обычаю той страны; однако, зная, что покончили с их дочерью

безродные наемные слуги, недостойные обогреть руки столь благородной и прекрасной кровью, решили преследовать за сие преступление мужа либо по закону, либо иначе, поскольку он зарезал ее не собственноручно и вменить ему в вину было нечего.

Вот, по моему разумению, нелепый и странный закон, оценить который предоставляю я нашим опытейшим юристам-законооведам, дабы они разобрали, какое преступление следует считать более тяжким — убийство горячо любимой жены своею рукою или же рукою подлого наемника? По этой части я много чего мог бы сказать, однако лучше воздержусь от собственных суждений, полагая их слишком легковесными в сравнении с выводами сих ученейших мужей.

Рассказывали мне, будто вице-король, прознав о замыслах мужа, предупредил любовника, а может, и самое даму; однако же роковое предначертание судьбы все же, к прискорбию, свершилось.

Дама эта приходилась дочерью дону Карлосу д'Авалосу, младшему брату маркиза де Пескайре; вздумай этот последний поступить тем же манером с одною из своих любовниц, коих я знаю, он давным-давно уже лежал бы в могиле.

Знавал я одного мужа, который находился в длительной отлучке, а потому давно не спал с женою; наконец вернулся он как-то ночью домой, радостно предвкушая супружеские утехы, и тут-то слуга-соглядатай донес ему, что супруга в постели не одна, а с милым дружкой; тотчас же выхватил он шпагу, заколотил в дверь и, почти взломав ее, бросился на жену в твердой решимости убить ее на месте; правда, сперва намеревался он прикончить любовника, да тот успел выскочить в окно. Делать нечего, приступил он к жене, а та, по случаю любовного свидания, столь дивно разукрасилась и прихорошилась, нарядилась в столь ко-

кетливый чепец и нарядную ночную сорочку, что никогда еще супруг не видал ее более пригожей и соблазнительной; бросившись на колени пред мужем прямо в этом ночном одеянии, дама взмолилась к нему о прощении в весьма трогательных и нежных словах (которые всегда умела найти к случаю), и он, отбросив шпагу, поднял изменницу, а поскольку давно уж не имел с нею дела и изголодался (да и жене, с ее пылкой натурой, возможно, также пришла охота!), то и отпустил ей грех, запер двери, проворно скинул одежду и, обняв жену, улегся с нею вместе в постель, где она и уложила его заботливо и пылко (уж поверьте, не забыв ни одной из арсенала любовных услад!), так что наутро супруги проснулись самой что ни на есть нежною парой, точно два влюбленных голубка. Вот так же бедный рогоносец Менелай целых десять или двенадцать лет сулил жене своей Елене, что убьет ее, буде она попадет к нему в руки, выкрикивая свои угрозы под крепостными стенами Трои; однако же, взяв город и завладев супругою, вновь так пленился ее красотой, что простил ей измену, возлюбил и заласкал пуще прежнего.

Эдакие вспыльчивые мужья, подобные разъяренным львам, обратившимся в безобидных овечек, разумеется, куда как хороши, да только где же их сыщешь в наше-то время?!

В царствование короля Франциска I одна знатная красивая молодая дама, бывшая замужем за весьма высокородным французским сеньором, спаслась иначе и куда удачнее, нежели предыдущая: не то она подала мужу какой-то повод для ревности, не то его просто вдруг обуяла внезапная ярость, но только он бросился на жену с обнаженною шпагою, собираясь ее убить; отчаявшись найти помощь у людей, бедняжка обратилась за спасением к Деве Марии, поклявшись,

что за избавление свое пойдет в паломничество к Ее часовне Лоретто, близ Сен-Жан-де-Мовре, в краю Анжуйском. Не успела она мысленно произнести сей обет, как супруг, выронив шпагу, рухнул наземь; затем, поднявшись на ноги и глядя так, словно очнулся от обморока, спросил у жены, какому это святому вверила она свою жизнь, дабы избежать гибели. Та отвечала, что взмолилась к святой Марии, обещав посетить названную часовню. Тогда муж сказал ей: «Что ж, отправляйтесь туда и исполните свой обет!» Так она и поступила, а попав в часовню, принесла в дар Деве Марии картину, повествующую об этой истории, и поставила, согласно обычаю, множество больших красивых восковых свечей, которые еще долго можно было там увидеть. Вот как помог даме ее прекрасный обет и как неожиданно и благополучно окончилось сие похождение! А кто желает узнать о нем подробнее, пусть прочтет «Анжуйские хроники».

Слыхивал я историю о том, как король Франциск пожелал однажды овладеть дамою, в которую был влюблен. Однако, пришед к ней, наткнулся на мужа со шпагою в руке, готового прикончить жену; король приставил ему к горлу свою шпагу и пригрозил убить тотчас здесь же либо обезглавить на плахе, ежели тот посягнет на жизнь дамы или учинит ей хоть малейшее неудовольствие, после чего выгнал его вон из дому, а сам занял место в супружеской постели.

Этой даме повезло найти столь могущественного и горячего защитника своей утробы: с той поры муж ее не осмелился и пикнуть, предоставив жене во всем полную свободу.

Мне известно, что не только одна эта дама, но и многие другие удостоились такого же покровительства короля. Бывают люди, что с оружием в руках защищают свои земли, а для верности вешают на двери